

18+

Владимир Басыня

БЕЛЫЕ ВОДЫ

Сказка для
неравнодушных

Владимир Басыня

**БЕЛЫЕ ВОДЫ. Сказка
для равнодушных**

«Издательские решения»

Басыня В.

БЕЛЫЕ ВОДЫ. Сказка для равнодушных / В. Басыня —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531606-6

Зависит ли будущее от нас? Или мы бессильны что-то изменить в нашей жизни? Успешный писатель вместе с героем своей книги пытаются это сделать.

ISBN 978-5-00-531606-6

© Басыня В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

БЕЛЫЕ ВОДЫ

Сказка для неравнодушных

Владимир Басыня

*Светлое завтра не наступит само.
Ему надо помочь!*

© Владимир Басыня, 2021

ISBN 978-5-0053-1606-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Искусство призвано поднимать человека до понимания истинной красоты и гармонии, – художник Чернавский цепко схватил писателя Верховцева за лацкан пиджака.

– Нет, Паша, истинная красота и настоящая гармония сохранились только в природе, а не в человеке и его творениях, – Александр Верховцев отцепился от настойчивого приятеля, но тот схватил его уже за пуговицу.

– Позвольте, Александр, с вами не согласиться. Дети, воспитанные животными, дичают. Эти маугли не способны насладиться прекрасной картиной или гениальным стихотворением.

– Зачем им наслаждаться копией реальности, если перед ними оригинал – сама жизнь, сама природа?

– Господа, думаю, вы не правы, – неожиданно вклинился в разговор поэт Заневский, – Зрителя задевает не красота и не гармония. Людям интересны душевные страдания и переживания поэта, художника, артиста. Поэтому творец рождён страдать, только тогда он может заслужить признание.

– А мне кажется, что искусство – есть прикосновение к высшему миру, где царит Творящее Начало. Познание неизведанного и есть настоящее искусство, – отозвался Верховцев.

В прокуренной московской квартире Чернавского за звоном бокалов шёл бесконечный спор о назначении искусства. Представители творческой интеллигенции собирались здесь каждую субботу в складчину устраивали интеллектуальные посиделки. На кухне грустным вернисажем стояли пустые бутылки, холодильник уже изрядно опустел, но речи гостей продолжали удивлять глубиной мысли.

– Художник должен быть бедным. Только бедность не позволяет ему превратиться в приспособленца, пишущего на потребу публике.

– А как же Никас Сафронов? Он, что, зарыл свой талант, чтобы нравиться публике?

– Да у меня любая картина гениальней всей его мазни, – художник Кашин хлопнул ладонью по столу, – Но мало кто может оценить мой талант, я не имею в виду вас. Да, меня никто не покупает, но я не хочу опускаться до обывателя. Пусть лучше он отрывает свою задницу от дивана. Никаса через сорок лет забудут, а мои полотна будут в лучших музеях мира!

– И какой прок тебе от этого? – фотохудожник Чеславин изящно выпустил изо рта кольцо сигаретного дыма, – Только останется строчка в биографической справке: умер в полной нищете, не продав ни одной картины.

– А что, лучше наступить на горло своему таланту ради этих глупых шуршащих бумажек? Не хочу, чтобы искусство вырождалось и становилось жвачкой для слабоумных! – Кашин вскочил со стула.

– Хватит о грустном. Давайте лучше потанцуем, – лирическая поэтесса Жанна Желанная включила музыку, повела крутыми бёдрами и подошла к Верховцеву: «Приглашаю тебя, Алекс».

Гости разбились на пары и закачались на волнах танца, Жанна прижалась горячим телом к Верховцеву, закрыла глаза и шепнула ему на ухо: «Растаем трепетно в ночи...» Они вышли в прихожую, оделись и не прощаясь покинули гостеприимную квартиру.

Они приближались с трёх сторон. Мерзкие тупые рожи с явными признаками вырождения. Верховцев прижался к стене и опустил руку в карман куртки. Только расчёска и горсть мелочи. Резко выдернув руку, он швырнул монеты в приближающихся отморозков и рванулся в сторону самого шуплого, ударил резко в челюсть и сразу коленом в живот. Потом почувствовал удар сзади по голове, теряя сознание упал на тротуар и... проснулся. Сердце лихорадочно рвалось из грудной клетки, стук его болезненно отдавался в чугунной голове. Он повернулся

на левый бок. Рядом спиной к нему спала женщина. Верховцев легонько толкнул её рукой. Та шевельнулась и попыталась его обнять. «Жанна!» – вспомнил Александр. Смутно всплыли сцены вчерашнего вечера: такси, ресторан, снова такси, ночной клуб, опять такси, ещё выпивка и постельное безумие.

– О, Алекс, ты мой бог. Ты лучше всех иных, – томно продекламировала Жанна, положив руку ему на грудь.

– А кто, иные все? – в тон ей ответил Верховцев и убрал руку.

– Пусть тайну эту скроет мрак. Я одеваюсь, отвернись.

Верховцев послушно закрыл глаза и стал ждать окончания этого спектакля.

– Пока, мой царь или герой. Звони, когда проснётся страсть, – хлопнула входная дверь. Верховцев встал и огляделся: брюки, рубашка и пиджак валялись на полу, как и раскрытый бумажник. Александр вздохнул и поплёлся в ванную, принял контрастный душ, выпил две чашечки кофе и сел за письменный стол. В свои сорок пять Верховцев достиг многого: окончил литературный институт, работал в «Новой газете», написал шесть книг, причём за роман «Последний Рим» получил престижную Пулитцеровскую премию. На родине книгу, правда, назвали очернительской, но за границей её перевели на пять языков. А иллюстрации художника Чернавского, выполненные в манере сюрреализма, добавили книге ещё большую остроту. Поэтому Верховцев почивал на лаврах. И как следствие этого появились рыбы-прилипалы, как их называл Чернавский. Дружеские встречи перешли в пьянки, поклонницы менялись чаще, чем постельные принадлежности, а седьмая книга зависла в подвешенном состоянии. Верховцев написал пару строчек, подумал, потом, вздохнув, решительно их зачеркнул и поник головой: работа не клеилась. «Надо поправить голову», – наконец решил он и засобирился в гастроном.

Ночью прошёл дождь, и лужи радостно глазели в небо. Нечастые прохожие с уверенностью трамваев спешили по неотложным делам. У дверей гастронома стоял бомж, и в его протянутую коробку щедро сыпались бриллианты капли с козырька над входом. Верховцев остановился, взглянул на небритую, словно из его сна, рожу просителя и сунул руку в карман за мелочью. Глаза бомжа наполнились надеждой, но мелочи не оказалось, и Верховцев шагнул к дверям. Глаза просителя погасли, а коробка жалобно вздрогнула. В виноводочном отделе писатель загрузил в корзину двухлитровый баллон «Клинского», постоял, подумав, и взял ещё бутылку «Столичной». На выходе высыпал потерявшему надежду бомжу сдачу с пятисотки и отправился домой восстанавливать литературное вдохновение.

Глава 2

– Русский живёт задним умом: пока петух в зад не клюнет – пальцем о палец не ударит. А уж коли случилось, то не станет репу чесать, где соломку постелить, чтобы следующий раз мягче падать. Чему бывать, того не миновать. Что случилось, то случилось. Гром не грянет – мужик не перекрестится. И жизнь идёт не по правилам и законам, а по совести. Но так как совестью Бог наделил каждого по-разному, то и бардак в России случается чаще, чем в заморских странах, а, точнее, этот бардак никогда не кончается, – Чернавский вызывающе посмотрел на Верховцева. Они сидели за столиком ресторана «Русь» на Новом Арбате и сочетали приятное общение с не менее приятным поклонением богу виноделия.

– У России, конечно, особенный путь, но нельзя всё время следовать непроторёнными дорогами. Есть что позаимствовать у других народов. Например, немецкую пунктуальность, американскую предприимчивость, японскую дисциплину, китайское трудолюбие, – Верховцев повернул разговор на конструктивные рельсы. От соседнего столика к приятелям подошёл улыбающийся седоволосый импозантный мужчина с «Роллексом» на запястье правой руки.

– Извините, господа. Позвольте представиться: Майкл Блюмен, журналист из Великобритании, – он вручил визитные карточки Чернавскому и Верховцеву. Чернавский кивнул на свободный стул. Майкл с достоинством поклонился и присел к ним. Мужчины представились иностранцу. Тот поочерёдно пожал им руки.

– Я случайно подслушал ваш разговор. Ваши проблемы от того, что вы, русские, молодая нация.

– Ты забыл, Майкл, наша история простирается на тысячелетия, – заметил Чернавский.

– Революция это болезнь. Она вас отбросила в детство, – иностранец холодно улыбнулся.

– Если даже и так, то устами младенца глаголет истина, – вступил в разговор Верховцев.

– Прямота и категоричность суждений – плохие качества для консенсуса. Поэтому вы, русские плохие политики. У вас нет оттенков. Для вас красные или белые, враг или друг, война или мир.

– Это не главная наша черта. Главное в русском – стремление к истине, поиск правды. Для вас на Западе правда – это то, что выгодно для вас. У нас правда выше выгоды, – возразил Верховцев.

– Алекс, истины, а тем более правды, не существует. Я могу тебе это доказать.

– У нас наличие истины не требует доказательств. Мы просто верим, что истина есть, – отрезал Верховцев.

– Ну, что же. Как у вас говорят: «Блажен, кто верует», – заулыбался Блюмен, заказал виски и угостил приятелей. Затем беседа снова продолжилась.

– Майкл, мы с вами две разные цивилизации. Что русскому хорошо, то иноземцу смерть. Ваша свобода нам кажется вседозволенностью, ваши идеалы нам смешны своей приземлённостью, ваш образ жизни нам видится скучным и размеренным.

– Алекс, а ваша свобода мне кажется кастрированной, ваши идеалы утопичными, а ваш образ жизни – пиром во время чумы. Поэтому у вас и у нас создаётся образ врага.

– Майкл, наши страны не враги.

– Да, Алекс, и даже не друзья.

– И что же для вас Россия?

– Головная боль. Ваша непредсказуемость просто неприлична.

– Майкл, это наш плюс. Предсказуемым легче манипулировать. А мы кошка, которая гуляет сама по себе, как говаривал ваш Киплинг. У нас свой русский путь.

– Да, знаю, что у вас нет дорог, а только направления. И в каком направлении вы идёте? Снова к коммунизму?

– Коммунизм нам навязали с Запада, как и капитализм. Руку к этому приложил в том числе и ваш Фридрих Энгельс.

– А вы предпочитаете диктатуру?

– Да, диктатуру совести. Мы против бессовестного уклада жизни.

– Алекс, совесть – просто слово, которое даже перевести на другие языки невозможно.

– Для нас это не просто слово, а главная человеческая ценность. У вас, Майкл, главное – свобода, а у нас – совесть, – вмешался Чернавский и заказал водку. Все выпили и слегка закусили греческим салатом.

– Алекс, – обратился к Верховцеву Блюмен, – Я читал ваш роман «Грязный Рим». Честная книга. Я удивлён, почему вас не выслали из страны.

– Майкл, как и у вас, у нас свобода и демократия. Кстати, книга называется «Последний Рим».

– Sorry, Алекс, извини мою ошибку. Да, и у вас свобода. Но у вас другая степень свободы, отличная от нашей европейской, – Блюмен улыбнувшись, сделал многозначительную паузу.

– У свободы нет степеней, она либо есть, либо её нет, – вмешался в разговор Чернавский.

– Майкл, у вас на западе очень странная свобода, – Верховцев посмотрел на Блюмена сквозь голубоватое стекло бокала.

– Wow... Я понял. Вы имеете в виду свободу для граждан нетрадиционной ориентации. Да, у нас свобода для всех. Согласитесь, что нельзя осуждать за то, что кто-то предпочитает сосиску яичнице!

– А у нас говорят: не путай божий дар с яичницей. У нас в России другое отношение к любви и к семье. У вас занимаются любовью, а у нас любят.

– Алекс, но такие гении как Сальвадор Дали или ваш Чайковский были геями!

– Не знаю как Дали, но Чайковский знал, что в нём борются Бог и дьявол. Он стыдился своих особенных чувств и скрывал их. Думаю, он не стал бы вступать в однополые браки или участвовать в гей-парадах, пропагандируя нетрадиционный секс.

– Алекс, вам в России ещё долго учиться у Запада толерантности.

– Когда Бог уничтожал Содом и Гоморру, был ли он толерантен? – резонно поинтересовался Чернавский.

– Это был плохой ветхозаветный Бог. Истинный Бог есть любовь, – возразил Блюмен.

– Создавая мужчину и женщину, Бог сделал так, что только в слиянии мужской и женской энергий рождается гармония. В России хватает красивых женщин и настоящих мужчин, поэтому мы не собираемся возрождать разрушенное хоть и ветхозаветным, но Богом, – отрезал Верховцев и выразительно посмотрел на часы. Толерантный британец понял намёк и, извинившись, спешно удалился. «Нечего со своим уставом лезть в чужой монастырь!» – произнёс Чернавский и поднял бокал: «За Россию!» Они чокнулись и с чувством выпили. «А улыбка у него фальшивая. Вроде улыбается, а глаза холодные как у змеи. Хамелеон хренов!» — Чернавский похлопал себя по карманам, словно отыскивая что-то.

«Да, Паша, ты прав. Они там всё обесценили: фальшивая любовь, фальшивая дружба и даже улыбка тоже фальшивая!» – согласился писатель. Тем временем Чернавский достал портмоне и протянул Верховцеву открытку. Тот с любопытством и удивлением прочитал: «Московское дворянское собрание приглашает Вас, князь, на благотворительный вечер, который состоится в помещении музея имени Николая Островского в ближайшую субботу в восемь пополудни. Вы имеете право пригласить на вечер одного гостя». Верховцев удивлённо уставился на приятеля. Тот привстал: «Позвольте представиться: князь Чернавский-Танищев собственной персоной. А ты идёшь со мной в качестве гостя».

– Но Николай Островский, по-моему, воевал с дворянами. Причём тут дворянское собрание? – засомневался писатель.

– Ты что, не читал роман «Как закалялась сталь»?

- Читал, но никакой связи не вижу.
- Дворянка Тоня Туманова была первой любовью героя романа Павки Корчагина
- Ну... это многое объясняет. А где музей имени Николая Островского?
- Недалеко от Ленинской библиотеки.
- Да... Как писал Толстой: «Всё смешалось в доме Облонских».
- Ну, что? Завтра в восемь.
- Пойду готовиться, милостивый государь. Как говорится: из грязи в князи.

Глава 3

– Нам налево, – Чернавский уверенно вёл Верховцева по вестибюлю.

– А что направо? – Верховцев указал взглядом.

– Там экспозиция музея Николая Островского.

На входе в залу приятелей встречал солидный господин во фраке с белоснежными воротничком и манжетами. Увидев друзей, он поклонился и представился: «Граф Соколов-Крымский. Чернавский тоже сделал поклон и важным голосом произнёс: «Князь Чернавский-Танищев с приятелем».

– Проходите, судари, – Соколов-Крымский сделал жест влево. Верховцев осмотрелся: просторный зал с портретами царей и других государственных мужей на стенах был почти заполнен гостями. Дамы с высокими причёсками в старинных нарядах с веерами в руках, мужчины в сюртуках и фраках с карманными часами на золотых цепочках – всё это походило на массовку исторического фильма. На входе справа стояла украшенная цветами корзина с подносом для сбора пожертвований детям-сиротам. «Жертвуй за двоих, буду должен, – шепнул Чернавский. «Ну что вы, князь, какие долги», – улыбнулся Верховцев и положил на расписной поднос стопку тысячных купюр. Тем временем Соколов-Крымский подошёл к председательскому столику и серебряным колокольчиком призвал благородное собрание к тишине:

– Господа, на правах устроителя этого вечера хочу сказать несколько слов о нашем славном сословии. Дворянство на Руси хранило и приумножало культурные и духовные традиции нашей родины. Близость к царскому двору и в то же время к простому народу ставила наше сословие в особое положение, которое дало России великих писателей, поэтов, полководцев и государственных деятелей. Дворянин был высокообразован, воспитан и подготовлен для служения престолу и отечеству. За годы революций и репрессий дворянство было почти полностью уничтожено. Для России был утрачен ценный генетический потенциал. Но драгоценные крупницы дворянства всё-таки сохранились в этой страшной мясорубке. Кто-то уехал за границу, кто-то скрыл своё не пролетарское происхождение, поменяв фамилию. И вот, потомки славных российских династий собираются здесь, чтобы приумножить славные традиции предков, в числе которых благотворительность занимает особое место. Господа, все сегодняшние жертвования будут перечислены в московские детские дома. Заранее благодарю вас за щедрость.

Соколов-Крымский взмахнул рукой, оркестр заиграл «Венский вальс», и вечер начался. «Соловей» Алябьева, затем «Очи чёрные», потом зазвучали стихи:

– Кто мы в этой старой Европе?

Случайные гости? Орда,

Пришедшая с Камы и с Оби,

Что яростью дышит всегда,

Всё губит в бессмысленной злобе?

Иль мы тот великий народ,

Чьё имя не будет забыто,

Чья речь и поныне поёт

Созвучно с напевом санскрита?

Чернавский толкнул Верховцева: «Пушкин?» «Нет. Валерий Брюсов, тоже гений поэзии».

Мы пугаем. Да, мы – дики,

Тёсан грубо наш народ;

Ведь века над ним владыки

Простирали тяжкий гнёт.

«До сих пор современно» – удивился Верховцев.

Довольство ваше – радость стада,

Нашедшего клочок травы.

Быть сытым – больше вам не надо,

Есть жвачка – и блаженны вы!

«Как в точку!» – восхитился вслух Чернавский. А на импровизированную сцену вышла девушка, одетая в форму воспитанницы института благородных девиц:

Мы завтра покаемся в жизни бесплодной

В последнем предсмертном бреде.

Оденем раздетых, накормим голодных,

Разделим чужую нужду.

Мы завтра поймём, что такое спасенье,

И завтра пойдём за Христом,

И завтра преклоним пред Богом колени,

Не ныне. А завтра, потом...

Так в планах на завтра, что скрыто в тумане,

За годом уносится год...

А что, если завтра возьмёт и обманет?

Что, если совсем не придёт?

«Изумительная девушка!» – прошептал Верховцев, а Чернавский, взяв писателя под руку, повёл того к только что выступившей даме:

– Сударыня, позвольте представить вам моего друга Александра Верховцева.

Та протянула руку ладонью вниз и, опустив глаза, промолвила: «Графиня Ланская, – и добавила тише: – Ирина...»

Верховцев поклонился и поцеловал её руку. Чернавский незаметно удалился, оставив их вдвоём.

– Какие замечательные стихи! Ваши собственные? – начал Верховцев.

– Нет, это стихи Веры Кушнир. Но они мне близки по духу.

– Дежавю. Мы с вами раньше не встречались? – писателю показалось, что это уже было, может быть в прежней жизни,

– Я была на презентации вашей книги «Последний Рим». Я не являюсь поклонницей вашего таланта, но по работе знакомлюсь с книжными новинками и тоже прочла ваши книги.

– И где вы работаете, графиня? – Верховцев не ожидал такого ответа.

– В магазине «Библио-Глобус». Не обижайтесь, но мне ваша книга показалась мрачной и безысходной, поэтому не понравилась.

Верховцев написал эту книгу пару лет назад. На иллюстрациях Чернавского опухшие от пьяного безделья мужики и бабы среди запустения и разрухи чесали свои репы в немом вопросе: «Почему так хреново живём?» На других рисунках изворотливые и жадные власть имущие чиновники справляли свои естественные потребности прямо на головы народа, который отупело, раскрыв рты, глазел на это реалити-шоу. На страницах романа Верховцев выразил всё неприятие духовной деградации общества. Это было криком тонущего в выгребной яме. По замыслу автора, чувство безысходности должно было заставить читателя осознать бездну падения когда-то великого народа. Роман был воспринят тройко: функционеры объявили его клеветой на власть, коммунисты и демократы – клеветой на народ, творческая интеллигенция с восторгом приняла роман и даже провела в интернете акцию в поддержку автора. Сейчас, выслушивая нелестное высказывание дворянки, Александр почувствовал стыд, и лицо писателя покраснело. Ланская заметила это и, видимо, желая подбодрить автора, сказала успокаивающим тоном: – Остальные книги мне понравились, особенно «Дом под небесами».

– А что именно привлекло ваше внимание? – воспрял духом Верховцев, и остаток вечера пролетел в приятном общении.

Верховцев по окончании вечера проводил Ирину до подъезда её дома. Поцеловать женщину он так и не решился. То ли её дворянское происхождение, то ли его собственная неуверенность создали невидимый барьер, который он перешагнуть не смог.

Глава 4

Разрушенное временем здание мрачно темнело на фоне растущей луны. Осколки кирпича, старые алюминиевые ложки и обрывки рукописи были безобразно разбросаны вокруг. Верховцев подобрал одну из страничек и попытался прочесть размытый текст, но буквы словно уплывали из поля зрения. Он опустил на колени и стал искать сохранившиеся строки. Наконец он обнаружил помятый титульный лист: «Белые воды. А. Верховцев». Писатель удивился: такой книги он не писал. Он попытался встать, но силы покинули его, руки и ноги не слушались, словно их набили ватой. «Александр, что с вами? – Раздался сверху женский голос. Верховцев взглянул на свои руки: они прямо на глазах рассыпались, превращаясь в прах. Кто-то схватил его за плечи и попытался оторвать от земли. «Ирина! – удивился Верховцев и... проснулся. Часы показывали без десяти семь. Верховцев встал, подошёл к холодильнику, достал бутылку пива, подумал пару секунд, поставил её обратно и взял пакет кефира. После такого лёгкого завтрака сел за письменный стол и задумался. После написания скандальной книги жизнь его сильно изменилась и совсем не в лучшую сторону. При материальном благополучии, он многое потерял. Появились прилипалы, которых Верховцев ошибочно принимал за почитателей его литературного таланта. Хождение с ними по ресторанам, знакомство там с доступными девицами отнимало кучу драгоценного времени. А богемная жизнь отупляла своей шикарной пустотой. И новая книга, задуманная ещё три года назад, не писалась. Хоть и говорят алкоголики, что талант не пропьёшь, но Александр на себе ощутил лукавство этой поговорки. Ясность мыслей исчезла, а голова была заполнена пустым трёпом собутыльников и восторженных поклонниц.

Гудок мобильного вернул Верховцева из состояния задумчивости. Звонил Чернавский: «Саша, выручай! Кашин снова в депрессии. Как бы руки на себя не наложил. Я сейчас не могу. Будь другом, сходи к нему, поддержи...» Верховцев вздохнул и пошёл одеваться. Художник Кашин жил в Столешниковом переулке в доме старой постройки на втором этаже. Талантливый человек с ранимой душой, он периодически впадал в сумрачное состояние духа, начинал безмерно пить, доходил пару раз до суицида, но медикам удавалось каждый раз возвращать его к жизни. Верховцев знал об этом и по дороге обдумывал, как поддержать художника. После четвёртого звонка дверь открыл сам хозяин. Недельная щетина, мутный взгляд и опухшее лицо отражали его внутреннее состояние.

– Проходи, Саша. А я тут, сам видишь..., – дрогнувшим голосом пожаловался Кашин. Пожав руку художнику, Верховцев вошёл в квартиру. Пахло ацетоном и плесенью, а везде: на стенах, стульях, подоконниках и полу стояли, висели, лежали картины.

– Садись, Саша, выпьем за встречу, – Кашин подвинул к писателю табуретку. Александр сел за грязный стол и окинул взглядом нехитрую закуску: начатую банку кильки в томатном соусе и кусок чёрствого хлеба. «Пусть выговорится», – подумал Верховцев и выпил стопку водки, заев её килькой. Кашин закусывать не стал, а торопливо, словно хватаясь за протянутую утопающему руку, заговорил:

– Саша, ты веришь в реинкарнацию? А я не только верю, но и чувствую это с детства. Родился через полтора месяца после его смерти и всегда знал, что я реинкарнация гениального художника Пабло Пикассо. С ранних лет во мне вызывали трепет испанская и французская речь, звуки фламенко, пейзажи Монмартра, а в моих детских рисунках знатоки узнавали стиль этого гения. Я усердно работал, но твердолобые критики называли мои творения жалким подражанием великому мастеру, поэтому я получал жалкие гроши, едва окупающие расходы на холсты и краски. И я понял, что случись даже второе пришествие Христа, то и его бы, слышишь, не признали за мессию, а назвали бы шарлатаном и жалким подражателем, – Кашин

замолчал, налил из бутылки и сразу проглотил содержимое своей стопки. Верховцев только чуть пригубил и поставил на стол, ожидая продолжения исповеди.

– И вот, Саша, я написал картину, искусственно состарил холст и краски, подписался именем Пикассо. Через одного знакомого выставил на аукцион как неизвестную картину гениального мастера. И те, кто хулил меня, обливались слюной от восторга. И тогда я показал всем, кто ничтожества, а кто гений. Даже пить с такими не стал бы. Паршивые лицемеры! Вот пойду, завтра им назло закодируюсь или лучше повешусь и оставлю предсмертную записку: «Пикассо родился и по вашей вине снова умер!»

– Не расстраивайся, Петрович. Непонимание не самая страшная вещь в нашем мире.

– И что страшнее? – Кашин поднял глаза на Верховцева.

– Одиночество, – вздохнул тот.

– Одиночество тоже от непонимания. Иногда мне кажется, что человек приблизился к тому пределу одиночества, за которым кроме него самого в этом мире никого нет, – Кашин налил, не чокаясь, выпил и продолжил: – Вот выговорюсь, через край души чуть выплесну и успокоюсь.

– Петрович, не принимай всё близко к сердцу. На Востоке говорят, что единственная реальность в нашем мире – Высший Человек.

– Бог, что-ли?

– Можно сказать и так. И я предполагаю, что ты – лишь один из пальцев перчаток, наде-
тых на руки Бога.

– А сколько у него рук?

– Ты бы ещё спросил, сколько у него пальцев. Это тайна за семью печатями.

– А я не хочу быть перчаткой. Я что, Петрушка на руке кукловода?

– Не сильно расстраивайся. Считай, что ты рука Бога, исполнитель Высшей Воли.

– Спасибо, а то хоть вешайся.

– А ты представь, что перчатка повесилась. Абсурд...

– Саша, брошу пить. Всё-таки я рука Бога. Хотя нет, по-моему, каждый человек уже Бог.

И я тоже. Давай выпьем за это.

– Ну, за это обязательно...

Глава 5

Верховцев шёл на свет, мерцающий вдали. А где свет, там и люди, там жизнь. Вскоре свет превратился в огни незнакомого города. Александр уже различал отдельные здания, как вдруг потерял равновесие: земля начала уходить из-под его ног. «Обрыв! – понял Верховцев и стремительно полетел вниз прямо в чёрную холодную воду. Водоворот неумолимо потащил в глубину. Писатель рванулся вверх и... проснулся. Дверной звонок противно трещал, требуя встать с кровати. Александр вставил ноги в шлёпанцы и нехотя поплёлся в коридор. «Кому с утра неймётся!» – подумал он, подходя к двери. Верховцев щёлкнул замком, приоткрыл дверь и обнаружил на коврике сложенный треугольником листок бумаги. Развернув его, удивлённый писатель прочитал: «Приходи на Патриаршие пруды сегодня в двенадцать к памятнику Грибоедову. Там крылья ангелов трепещут на ветру».

«Чья-то неумная шутка», – сначала подумал Верховцев, но последняя строка записки заставила его вернуться в прошлое. Тогда Верховцев учился в литературном институте и пробовал писать стихи для факультетской стенгазеты. Он вспомнил этот первый поэтический опыт:

Прислушайся, проснувшись поутру:
Там крылья ангелов трепещут на ветру.
Над чистотою белых вод
Прекрасен светлый их полёт.

Этот стихотворный опыт остался у Верховцева оказался первым и последним. Он увлёкся прозой. И вот такая странная записка. Александр ещё раз ей прочёл и начал собираться.

Трамвай-трактир «Аннушка» скучал на закольцованных рельсах в ожидании посетителей. Верховцев прошёл мимо этого раритета булгаковской эпохи и направился к памятнику автору «Горя от ума». Вдоль аллейки кучковались разные неформалы: рокеры, брейкеры, металлисты, рэперы, готы. Александр прошёл мимо них к постаменту и увидел странную картину: неподалёку от памятника какой-то чужак грёб пластиковыми вёслами посуху, сидя в двухместной надувной лодке. Заметив Верховцева, странный человек помахал ему рукой: «Эй, залезай! Уже десять минут тебя жду!» Верховцев оглянулся и понял, что обращаются именно к нему. Александр забрался в лодку и устроился на гребца. Тому было на вид лет двадцать пять. Коричневые новые туфли на толстой подошве, серые с блеском брюки контрастировали с дешёвой зелёной болоньевой курткой на блестящих пуговицах. Карие глаза на круглом лице безусого юнца доброжелательно смотрели на пассажира. «Куда плывём? – Верховцев кивнул на вёсла. «Неправильный вопрос. Зачем плывём? – гребец несколько раз взмахнул вёслами, потом вынул их из уключин и уложил на дно лодки, – Давай знакомиться: Мишаня – ловец человеков».

– Александр – инженер человеческих душ, – пошутил в свою очередь писатель, – И на что ловишь?

– Когда как: иногда на деньги, иногда на обещания счастья, – он достал удочку с ярко красным поплавком и толстой леской, привязал к грузику сотенную купюру и сделал дальний заброс. Прохожие проходили мимо, опасливо обходя сторублёвку.

– Надо менять наживку, – Мишаня подтянул снасть к лодке, – Ой, кажется, рыбинспектор плывёт. Добычу за борт, быстро вылезай. Если что, просто проплывал мимо, присел отдохнуть.

Александр вылез из лодки и спрятался за Грибоедовым. А к Мишане подошёл полицейский.

– Почему нарушаем? – грозно произнёс служивый

– Господин инспектор, у меня лицензия, – Мишаня протянул какую-то бумажку. Тот прочитал и веско произнёс:

– Если у тебя справка, это не значит, что можно промышлять на асфальте. Вон, пруд рядом. Нарушать общественный порядок никому не позволено, даже психам. Сматывай удочки и собирай манатки. Через десять минут, чтобы я тебя здесь не видел, – полицейский грозно двинулся в сторону трамвая-трактира.

– Выходи, поможешь лодку до пруда дотащить, – позвал Мишаня.

Лодка благополучно перекочевала на бывшие Патриаршие пруды.

– А что за бумажка у тебя? – Верховцев внимательно посмотрел на наивное лицо Мишани.

– От психиатра.

– У тебя что, чего-то в голове не хватает?

– Нет, просто ничего лишнего. Я блаженный. Слышал про Василия Блаженного? Он даже видел будущее, – Мишаня важно надул щёки.

– Ну, а ты можешь сказать, что будет завтра?

– Завтра в восемь утра ты выезжаешь в Оптину Пустынь к отцу Сергию.

– Зачем?

– Записку тебе написал он. А на словах передал, что тебе пора менять жизнь и не только свою. Завтра в восемь от Тёплого Стана автобусом до Козельска, потом на маршрутке до Оптиной Пустыни.

Верховцев сел на скамью у памятника великому писателю и задумался. Он и сам чувствовал, что пора менять жизнь к лучшему, но не знал как. Наверное, прав блаженный Мишаня: завтрашний день уже предопределён. Надо ехать...

– Александр, вы? – рядом стояла Ирина Ланская, – Что вы здесь делаете?

– Да, вот, решил пройтись по булгаковским местам, – Верховцев вскочил со скамьи.

– Меня тоже завораживают Чистые пруды. Здесь какая-то особая магия времени. Словно прикасаешься с параллельным миром.

– Позвольте вас пригласить в трактир, – Верховцев показал глазами на закольцованный трамвай.

– Пожалуй, не откажусь, – Ирина позволила взять её под руку, и они направились в заведение на рельсах. Там заказали расстегаи и чай с лимоном. Верховцев смотрел на Ирину и любовался её особенной красотой: умные серые глаза, высокий лоб, греческий носик, чуть ироничные губы, милые ямочки на щеках, когда она улыбалась. Ирина почувствовала его взгляд, и её щёки окрасил прелестный румянец. Говорили сначала о литературе, потом о классической музыке. Время незаметно летело за интересной беседой. После трактира они подошли к пруду.

– Идёмте ко мне, – наконец решился Верховцев.

– Вы хотите познакомить меня с родителями?

– Я живу один, – мужчина привлёк Ирину к себе.

– Мне кажется, неприлично просто так заходить в гости к одинокому мужчине, – отстранилась Ланская.

– Это всё пуританские предрассудки, – Верховцев поцеловал Ирину в губы и сразу получил звонкую пощёчину.

– Не провожайте меня, – вспыхнула Ирина и быстро пошла прочь. А Верховцев растерянно опустился на скамью.

Глава 6

Отец Сергей метнул из под седых бровей на вошедшего хитровато-проницательный взгляд: «Заходи с Богом».

Верховцев удивился скромной обстановке кельи старца. Деревянные нары с лоскутным одеялом, оцинкованное ведро с алюминиевой кружкой, образ Спасителя в красном углу и каменный пол, истёртый до блеска молитвенными бдениями.

– Отец наш небесный, а мать – родная земля. На ней и живём, за неё и молитвы мои. Тёмные века кончаются, пора дальше идти. Но люди ещё прошлым живут, боятся из своей норки нос высунуть. Эдак и светлое завтра просидим в темноте и грядущее царство небесное пропустим, – издали начал старец.

– Отец Сергей, я светский человек и в царство небесное не верю. Чем же я могу вам помочь?

– Александр, нельзя одновременно служить и Богу и дьяволу.

– О чём вы, отец Сергей?

– О твоей тёмной книге.

– Отец Сергей, книга получила высокую оценку и международное признание.

– А я ведь название книги не сказал, а ты уже сам понял, какая твоя книга тёмная, – уличил писателя монах.

– Я старался правду писать. И за каждое слово в книге отвечаю, – обиделся Верховцев.

– Старался правду, а получилась ложь, – смиренно произнёс старец.

– И в чём ложь?

– А в том, что неполная правда и есть ложь. В книге ты пишешь о том, что плохо в России. Но у тебя нет ни одного светлого образа, ни одного лучика добра и света. А ведь Русь – Бел Свет была изначально и есть теперь, – отец Сергей прошёл в красный угол, опустил на колени и погрузился в молитву.

А Верховцев присел на нары и призадумался. Сколько тёмного в людей вливается средствами массовой информации: в теленовостях – аварии, катастрофы, преступления, в кино – насилие и убийства, в прессе – сплетни и грязные слухи. И его книга, возможно, стала последней каплей, переполнившей чашу негатива. Да и Ирина сказала, что книга мрачная. Жаль, вчера так нехорошо получилось. Привык, дурак, к доступным женщинам. Как стыдно... Надо будет перед ней извиниться.

Тем временем монах закончил молитву, трижды перекрестился, встал с колен и обратился к Александру:

– За тебя молился, чтобы Бог тебе дал силы выполнить твоё предназначение написать светлую книгу, которая призовет чистых душой и сердцем сделать Россию царством Божиим на Земле.

– Отец Сергей, я совсем не ангел. Как же нечистый человек сможет написать светлую книгу?

– Не ангелы меняют жизнь людей к лучшему, а обыкновенные люди с их грехами и слабостями. Один раскаявшийся грешник дороже девяноста девяти праведников. Бог дал тебе талант, и грех не использовать его на богоугодное дело. Остальные свои грехи ты сам знаешь. А если какие забыл, то представь, что тебе отпущен Богом год жизни и подумай, что можно за это время исправить. А как исправишь, берись за книгу с чистой душой.

– Отец Сергей, мне всё время кажется, что мы с вами где-то встречались. И эти мои юношеские стихи в вашей записке... – Верховцев изучал лицо седобородого монаха. Ничего знакомого, вот только глаза... Неожиданно Александр вспомнил: – Сергей Андреевич, вы?!

– Узнал! Да, в миру был Сергей Андреевич Решетов. А после пострижения – монах Сергей.

Решетова в институте уважали. Учёный широчайшего кругозора, замечательный педагог. Он же курировал факультетскую стенную газету «Слово за слово», где когда-то «печатался» Верховцев. Решетов всячески поощрял талантливого студента: зачёты ставил «автоматом» и не задавал дополнительных вопросов на экзаменах. «Не зарывай свой талант, он ещё всем пригодится!» – говаривал профессор. Неожиданно Решетов уволился и уехал из Москвы. Поговаривали, что причиной тому был идейный конфликт с руководством института. Доходили слухи, что он принял монашество, кто-то видел его на Валааме, кто-то на Афоне. Короче был человек, а остались только слухи и домыслы.

– Сергей Андреевич, вы же учёный. Почему вы здесь? – Верховцев заглянул Решетову прямо в глаза.

– Знание не удаляет, а приближает человека к Богу. Все мы когда-то приходим к Богу, кто при жизни, кто-то после неё. У одних недостаточно знаний, поэтому они верят в чудо, а главное чудо – Бог. Другие наоборот настолько образованны, что понимают: наш мир и человек в нём – не случайное столкновение атомов, а результат работы великого Творящего Начала. Ну а третьи осуждают и тех и других. Первых за темноту и невежество, вторых за то, что от большого ума крыша поехала. А вы, Александр, к каким себя относите?

– Наверное, к тем, кто верит в чудо.

– Ну, тогда с Богом. Надеюсь, мои молитвы услышаны, – попрощался отец Сергей и проводил Верховцева до выхода с монастырского двора.

Глава 7

По прибытии в Москву Верховцев на скорую руку приготовил скромный ужин, состоящий из яичницы и обжаренной «Докторской». После ужина сел за письменный стол, почитал рукопись, всё перечеркнул, достал чистый лист, вспомнил позавчерашний сон и написал крупными печатными буквами: «Белые воды. А. Верховцев». Потом подумал, что столичная жизнь так его завертела, что на нормальные человеческие отношения времени не хватало. Уже сколько лет не был у родителей в глухой сибирской деревушке. Всё по телефону раз в неделю. А они, родные, ждут его каждый день. Эх, терпелива ты, малая родина. Ждешь и не жалуешься! «Откладывать не буду, послезавтра и выеду», – решил Александр, – «Начинать новую жизнь – так начинать!» Потом он подумал об Ирине. Его охватило особенное волнение, словно невидимое море раскачивало его изнутри. Ни с чем не сравнимое ощущение. «Надо непременно извиниться перед ней», – с этой мыслью Верховцев уснул. Ему снилось море, на берегу которого гриновская Ассоль, так похожая на Ирину, ждала алые паруса.

Утро новой жизни выдалось прекрасным и солнечным. Верховцев в приподнятом настроении сделал утреннюю зарядку, принял бодрящий душ и выпил чашечку чёрного кофе, тщательно побрился, отгладил брюки, пиджак и рубашку. Одевшись, посмотрелся в зеркало, почистил туфли и отправился в ближайший цветочный магазин «Флора». Там выбрал украшенный ленточкой букет из семи красных роз и поехал в «Библио-Глобус».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.